

© 2019 Е.Н. КНЯЗЕВА

ЗНАКИ ЖИВОТНЫХ И СИМВОЛЫ ЧЕЛОВЕКА: ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ИДЕЙ Я. ФОН ИКСКЮЛЯ И Э. КАССИРЕРА

Князева Елена Николаевна — доктор философских наук, профессор Школы философии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Электронная почта: helena_knyazeva@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются формы взаимного влияния теоретической биологии Якоба фон Икскуль и философии символических форм Эрнста Кассирера. Хотя Кассирер в значительной мере подчеркивал отличие мира человека как существа символического от описанного Икскулем мира животного как организма, поведение которого строится благодаря способности распознавать знаки и сигналы, но именно внимание Кассирера к важному понятию Umwelt Икскуля позволило ему детализировать и сделать более утонченной свою теоретическую концепцию. Оба ученых плодотворно развивали и применяли междисциплинарные стратегии исследования: Кассирер — реализуя свой неподдельный интерес к биологии, а Икскуль — распространяя свое понятие 'Umwelt' и на мир человека.

Ключевые слова: биосемиотика, знак, жизненный мир, когнитивный мир, Эрнст Кассирер, сигнал, символ, символическая форма, Якоб фон Икскуль, Umwelt.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект № 16–06–00522а «Биосемиотика: рождение и развитие парадигмы».

Векторы схождения

Ссылки на исследования Икскуль встречаются в сочинениях Кассирера зрелого периода, начиная с 1928 года вплоть до его смерти в 1945 году. Икскуль же, в свою очередь, тянулся к философии, называл себя самостийным кантианцем и относил к сторонникам Марбургской школы неокантианства. Кассирер обычно рассматривается как представитель той же Марбургской школы. Кант для него был высоким авторитетом. Описанию творческого пути и учения Канта Кассирер посвятил отдельную книгу *“Kants Leben und Lehre”* (1918). Как известно, Кант был конструктивистом, развивая свое учение о рассудке и разуме и утверждая, что мир создается субъектом, наделенным априорными формами чувственности, априорными категориями рассудка и идеями разума. Первым вектором схождения двух ученых можно считать их конструктивистские мировоззренческие ориентации. Икскуль распространяет конструктивистские представления Канта, во-первых, на телесную организацию живого существа (Bauplan), на его анатомию и физиологию, будучи предвестником концепции телесно ориентированного, воплощенного познания (embodied cognition) в современной когнитивной науке и неклассической эпистемологии, во-вторых, на окружающую среду, которую осваивает, обустривает на свой лад живое существо — свой Umwelt. Кассирер также был конструктивистом, обосновав, что человек живет в созданной им иллюзорной символической реаль-

ности — смыслах культуры, знаках языка, мифологических образах. «Именно символические формы “представления” и “знания” дают нам доступ к “объективной” действительности» [3, с. 87], — отмечает он.

Второе сходство — это внимание обоих к знакам и символам, за которыми стоит определенный смысл. Знак — это некоторая замена объективного явления, предмета или события. Умение воспринять или распознать знак — это умение понять его смысл. Поэтому наиболее релевантным подходом к реальности становится семиотический (от греч.: *σημειωτικός* — изучение знаков, извлечение смыслов). Животное распознает знаки инстинктивно, такая способность является для него эволюционно выработанным приспособлением, а человек — осознанно. Не только отношение живого организма к окружающей среде, но и коммуникация между живыми организмами происходит посредством знаков. На это обращает внимание и Кассирер: «Пчела возвращается в улей и совершает перед ним определенные движения, “завлекающий танец”... Тем самым она дает рою “ориентиры”, “знаки распознавания”, по которым они найдут источники запаха» [там же, с. 267].

Третий вектор схождения вытекает из второго. И животное, и человек демонстрируют избирательность восприятия. Возникновение избирательности, селективности знаменует отличие живых существ от неодушевленных предметов. У животного избирательность является телесной, моторной, она напрямую связана с двигательной активностью его тела. У человека избирательность — это, прежде всего, интенциональность его сознания. Некоторые современные исследователи утверждают, что если интенциональность и приложима к поведению животных, то только как их телесная, психомоторная интенциональность.

Четвертый вектор схождения — это понимание когнитивной замкнутости и животного, и человека. Животное ограничено циклическими кругами своего восприятия и действия, из которых оно не может вырваться как из своей собственной скорлупы. Согласно Иксюлю, *Umwelt* — это мир смыслов живого существа. *Umwelt* включает в себя мир восприятия (*Merkwelt*) и мир действия (*Wirkungswelt*) живого существа, которые, соединяясь, образуют его внутренний мир (*Innenwelt*). Это его субъективный мир, то есть субъективность он распространяет и на царство животных. «Каждое животное несет внутри себя свое собственное окружение как невидимую ракушку» [8, р. 106]. Собака видит только «собачьи вещи», а муха — «мушинные вещи». А раз каждое животное живет в своем мире как невидимой ракушке, или его мир имеет невидимые границы как тонкую пленку мыльного пузыря, то мы не можем судить о мирах животных, и разные животные живут в непересекающихся мирах восприятия и дей-

Е.Н. Князева
Знаки животных
и символы
человека

Согласно Кассиреру, своего рода скорлупой, отграничивающей человека от мира, является сеть используемых им символических форм, и с развитием культуры эта скорлупа становится все толще, а человек — все более отделенным от физической реальности. «Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя» [1, с. 471]. Слова языка как символические формы не передают свойства вещей мира, а обозначают путь их понимания. Конструирование мира посредством языка совершается согласно принципу селекции, а не абстракции. «Сознание не пассивно противостоит совокупности чувственных впечатлений, а пронизывает их и наполняет своей собственной жизнью. Лишь то, к чему каким-либо образом прикасается внутренняя активность, что представляется ей значимым, получает и в языке печать значения» [2, с. 226]. Когнитивная замкнутость приводит к тому, что человек и животное живут в разных, параллельных мирах восприятия, не понимая друг друга. В когнитивной науке сегодня возникает дилемма, поставленная в названии известной статьи Томаса Нагеля «Что значит быть летучей мышью?», развернувшаяся в дискуссии о субъективных чувственных качествах — квалиях.

28

ключительного внимания. Через биологию он стремился получить ключ к пониманию символической природы мира человека. «Вместо того чтобы определять человека как *animal rationale*, — писал он, — мы должны, следовательно, определить его как *animal symbolicum*. Именно так мы сможем обозначить его специфическое отличие, а тем самым и понять новый путь, открытый человеку, — путь цивилизации» [1, с. 472]. Кассирер строит свою аргументацию, не только проводя различия между человеком и животным, но и рассматривая особенности мышления и языка дикарей, первобытных народов и детей, то есть отталкивается от всех аспектов изучения филогенеза и онтогенеза человека.

Некоторые исследователи рассматривают Икссюля как противника эволюционизма в теоретической биологии. Основание этому — его рассмотрение царства живых организмов через понятие плана организации (*Bauplan*). Последнее понятие коррелирует с представлением Аристотеля о конечных причинах и энтелехии, идеей о предустановленной гармонии Лейбница, с развитием понятия энтелехии применительно к биологии Хансом Дришем. Доскональное изучение животных Икссюлем, по сути, не могло его увести слишком далеко от эволюционных идей. Специалист по биосемиотике К. Кулл показывает, что хотя Икссюля нельзя причислять к сторонникам Дарвина, он все же развивал особого рода нео-дарвиновский, экологический эволюционизм. «В биологии этого типа филогенез не играет (в большинстве случаев, по меньшей мере) роль конечного объяснения дизайна структур. Вместо этого для объяснения, почему биосистемы ведут себя таким образом, требуется установить их холистические характеристики, их системное функционирование, или, иначе говоря, коммуникативные механизмы» [9, р. 101]. Экология понимается здесь в расширенном смысле: как приспособление организма к окружающей среде, к его *Umwelt*, и как взаимное приспособление живых существ друг к другу. В живой природе растительные и животные организмы оптимальным образом, в совершенстве подогнаны друг к другу. И это есть результат биологической эволюции. Они подогнаны, поскольку путь эволюции научил их распознавать знаки, подаваемые друг другу. Именно в этом заключается целесообразность жизни, ее *Bauplan*. «Сама адаптация — это не физический и не эволюционный феномен, адаптация — это коммуникативный и, стало быть, семиотический феномен» [ibid, р. 104]. А эволюция — это не рост дерева жизни, а «модификация сети жизни» [ibid., р. 101].

Таким образом, проводимый в настоящей статье сравнительный анализ концепций Икссюля и Кассирера ни в коей мере нельзя считать случайным: творческие биографии переплетались при жизни этих исследователей, и они проявляли взаимный интерес к находкам и достижениям друг друга, оттачивая и делая более полновесными собственные концепции.

Е.Н. Князева
Знаки животных
и символы
человека

Векторы расхождения

Umwelt животного и символическая реальность человека. Кассирер подчеркивает, что для Икскуль мир живого существа не сводим к миру физическому. «Икскуль — решительный сторонник витализма. Он отстаивает принцип автономии жизни. Жизнь есть высшая и самодостаточная реальность, она не может быть описана и объяснена в терминах физики или химии» [1, с. 469]. Как я отмечала выше, природа, согласно Икскуль, построена по некоторому внутренне согласованному плану — Bauplan. В природе есть нечто подобное финальности или целесообразности, которая обеспечивает построение целостности, нераздельность и синергию жизни организмов. Каждое живое существо путем тонкой взаимной настройки вжилось в свое окружение с одинаковым совершенством. Umwelt — это не абстрактная окружающая среда, а та среда, которая является своей для данного живого организма. Umwelt включает в себя мир восприятия (Merkwelt) и мир действия (Wirkungswelt) живого существа, которые, сопрягаясь, образуют его внутренний мир (Innenwelt). «Все, что субъект воспринимает, становится его миром восприятия (Merkwelt), а все, на что он действует, становится его миром действия (Wirkwelt). Мир восприятия и мир действия составляют вместе единое целое, мир, вокруг животного, или окружающий его мир (Umwelt). Umwelten ... столь же многообразны, как и сами животные» [15, с. 4]. Umwelt'ы животных имеют специфические различия и для разных видов, и для разных особей одного и того же вида.

Миры восприятия и действия живых организмов соединены функциональными циклами с реafferентным контролем. Введя понятие о реafferентном контроле, Икскуль, по сути дела, предвосхитил понятие об отрицательной обратной связи, развитое в кибернетике и системном анализе в 1960–1970-х годах. Справедливости ради надо отметить, что в первоначальной форме оно появилось гораздо раньше — во второй половине XIX века в работах физиолога К. Бернара. Он ввел понятие гомеостазиса как постоянства внутренней среды организма.

Совершенство организационной целостности царства животных, которое Лейбниц называл предустановленной гармонией, Икскуль объяснил в своей теоретической биологии как естественно сложившийся феномен. Он писал: «Всякий организм может быть только тем, что он есть. Но в себе самом он совершенен... В нем все ресурсы эксплуатируются по максимуму. Поэтому мы можем сделать следующее фундаментальное утверждение: всякое живое существо в сущности абсолютно совершенно» [13, с. 138].

Для Кассирера символическая реальность человека не сводима к природному миру. Создавая символические формы, человек отделяет себя от природы. При этом Кассирер ссылается на социо-

логическую теорию функционального структурализма Э. Дюркгейма. «Человек сумел открыть новый способ адаптации к окружающей среде. У него между системой рецепторов и эффекторов есть еще третье звено, которое можно назвать символической системой» [1, с. 470]. Тогда как Дюркгейм говорит о социальных институтах и социальных фактах, которые, будучи созданными человеком, получают принудительную силу и накладывают определенные ограничения на действия человека как социального актора, Кассирер говорит о лингвистических формах, художественных образах, мифологических символах и религиозных ритуалах, составляющих содержание символического мира человека, своего рода оболочку, обеспечивающую его выживание, но отгораживающую от мира природных вещей. Мир знаков животного является субъективным, как и его язык. Кассирер обосновывает, что речь человека — *die Rede, la parole* (Соссюр) — субъективна и индивидуальна, а язык — *die Sprache*, или, по Соссюру, *la langue* — объективен и универсален. Человек использует язык, чтобы выражать свои субъективные мысли. Язык выступает при этом, если применить терминологию синергетики, в качестве параметра порядка, который когда-то возник из деятельности людей, но сейчас накладывается на каждого из нас определенные ограничения, которым мы вынуждены подчиняться. Символические формы языка, будучи универсальными, по Кассиреру, живут своей собственной жизнью, попадая в сферу объективного духа. На уровне индивидуальной речи наблюдается разнообразие и изменчивость, на уровне символических форм языка — единообразие и постоянство.

Знак и символ. Животные распознают знаки и сигналы, а люди оперируют символами. Животные непосредственно встроены в физический мир, а человек отделен от него благодаря созданию богатого набора символических форм.

Согласно Кассиреру, «сигнал есть часть мира физического бытия; символ — часть человеческого мира значения» [там же, с. 477]. Сигнал имеет физическую природу, он материален, а символ — это только смысл. «Сигналы, даже когда они понимаются и используются как таковые, обладают физическим или субстанциональным бытием; символы же имеют только функциональную значимость» [там же]. Животное замкнуто внутри того мира, в котором оно обитает и обустраивает, внутри своего *Umwelt*, человек — открыт. Символ в отличие от сигналов животных социален по своей природе, он происходит из социальных отношений людей.

Распознавание знаков животными имеет следующие особенности.

Во-первых, налицо избирательность восприятия и действия. Жизнь, которая, согласно К. Лоренцу, есть познание, представляет собой извлечение смысла (*living is sense-making*), отбор значимого и ценного и вовлечение этого в жизненный мир организма.

Во-вторых, в ходе эволюции живых существ возрастает гибкость, флексибельность восприятия и действия. Умение подстраиваться под изменение ситуации в окружающей среде означает, по сути дела, повышение адаптивных возможностей живых существ, улучшение их способностей выживания. Ответ на сигнал зависит от контекста, предыдущего опыта, памяти, кроме того, живые существа могут обучаться через действие, которое оказалось адекватным ситуации. Гибкость, пластичность форм коммуникации соответствует такому современному представлению когнитивной науки, как ситуационный характер познания (*situated cognition*). Ч. Сноудон, изучая обезьян, приходит к выводу: «Репродуктивно успешные особи — это, по-видимому, те, которые могут быстро отвечать на изменения окружающей среды. Контекстуально гибкая коммуникативная система обеспечивает возможность быстрой корректировки коммуникации в соответствии с изменениями окружающей среды» [10, р. 76]. В то же время когнитивный аппарат животных не как угодно пластичен, они не как угодно могут подстраиваться под окружающий мир. Возможности их подстройки и тонкой настройки на окружающую среду и адресатов их коммуникации определяются формами их телесной организации, способами их двигательной активности и т.п.

В-третьих, восприятие мира животным напрямую связано с его действием, которое строится согласно эволюционно выработанным схемам. Восприятие обусловлено особенностями телесной организации живого существа и формами его коммуникации с окружением. Конрад Лоренц, например, как-то заметил, что в немецком языке слово «действительность» ‘Wirklichkeit’ одного корня с глаголом «действовать» ‘wirken’ [4, с. 50]. То, что окружает животное, — это не вещи, а, по выражению Икскюля, обстоятельства действия (Aktion-Dinge). Животное встроено в сеть действий, главным образом инстинктивных, но частично и выработанных им в индивидуальном опыте. В индивидуальном опыте строятся когнитивные карты окружающей среды. Действительность творится в действии, а способности действовать, формы поведения и коммуникации у животных достаточно жестко определены. Рассуждения Кассирера строятся именно в этом ключе. Он показывает, что человек высвобождается из плена закрепленных действий животного. «Знак или сигнал соотносится с соответствующей вещью одним-единственным жестко закрепленным способом... Подлинный человеческий символизм характеризуется не единообразием, а как раз изменчивостью: он не жесток и статичен, а подвижен» [1, с. 482].

Связанность животного и свобода человека. Человек намного более свободен в интерпретации символов. Они могут быть интерпретированы так или иначе. Говорят даже, что художественное произведение или произведение живописи начинает жить, когда оно воспринято и переинтерпретировано читателем или зрителем, когда его смысл распакован в зависимости от структуры личности воспринимающего и его конкретной ситуации. Оно может быть со временем интерпретировано иначе и самим создателем, поскольку личность создателя развивается и находит новые смыслы. Человек находится в вечной игре с миром и с самим собой. Неправильная интерпретация знаков животным может стоить ему жизни.

Не только Кассирер, но и впоследствии Карл Поппер в своей концепции эволюционной эпистемологии выражает сходную мысль. Рост знания он объясняет, применяя дарвиновскую модель изменчивости (увеличения разнообразия элементов) и естественного отбора. Известно его сравнение: «От амебы до Эйнштейна всего лишь один шаг» [5, с. 239]. Но этот шаг является радикальным. Эйнштейн быстро выдвигает и отбрасывает сотни гипотез. Он, обладающий критическим мышлением, даже заинтересован, чтобы испытать как можно больше вариантов для достижения наилучшего результата. Цена ошибки для амебы гораздо более высока. «С амебой и первобытным человеком дело обстоит по-другому. В этом случае критическая позиция отсутствует и по преимуществу случается так, что ошибочные гипотезы или

Память животного и память человека. По Кассиреру, память человека — это жизнь во всей ее глубине, это перестраивание символической реальности, которое может осуществляться по-разному. Развивая этот взгляд, Кассирер ссылается на Бергсона, который рассматривает память как нечто радикально отличающее живое существо от неживого, как свойство психики или сознания живого существа, а восприятие как соотносимое с телесным действием. Кассирер, по-видимому, соглашается с Бергсоном, что именно память делает возможным появление новизны в различных ее вариантах в будущем.

Человек способен достраивать выпавшие из памяти звенья, его диалог с собственной памятью, выход за пределы единообразия рутинных действий и мыслей — основа рождения новых форм, творчества, эмерджентных элементов знания, то есть таких, которые не выводимы из наличного стандартными процедурами.

34

дистанцию между собой и конкретными ситуациями восприятия и действия. Пространство человека — это абстрактное пространство, геометрия. Геометрия описывает универсальные пространственные отношения, а основное свойство символических форм — это их универсальность.

Кассирер поясняет свою мысль следующим образом: «Если вспомнить о... “семантике” животных, то ее ограниченность обуславливалась тем обстоятельством, что она оставалась заключенной в пределы одного мгновения и отдельной перцептивной ситуации. Эта привязанность к “здесь” и “теперь” характерна для всех форм “коммуникации” в кругу животной жизни. Когда одна пчела сообщает другим о найденном ею нектаре, то она делает это посредством реального, вещественного “со-общения”. Запах того места, где был найден нектар, должен войти в поле восприятия других пчел, которых нужно подготовить к полету; запах должен буквально быть “перенесенным”, чтобы стать сигналом и побуждением для роя» [3, с. 274]. Человек выходит за пределы конкретного телесного восприятия пространства. Тогда как у животного пространство является пространством телесного действия, у человека оно становится пространством символа. «Только человеческий язык преодолевает эту привязанность к непосредственно данному в наличной чувственной ситуации; только он способен уходить во временные и пространственные дали. И только такое уловление дальнего представляет собой начало всякого понятийного постижения. Но мысль достигает, наконец, того пункта, где уже недостаточно этого стремления к шири пространства и времени; от нее требуется куда более сложный и совершенно иной переход. Она должна выйти за пределы не только “здесь” и “теперь”, но и за границы любого пространства и времени, за рамки представленного и вообще представляемого созерцанием» [там же].

То же самое можно сказать о времени. Телесное, чувственное, перцептивное время животного, которое всегда встроено в конкретную поведенческую ситуацию, противостоит абстрактному, отделенному от непосредственного момента «сейчас» человеческому представлению о времени. Антиципация будущих событий присуща лишь некоторым высшим животным и ограничена ближайшим будущим. Человек же способен «забегать» далеко вперед, заниматься долговременным планированием, строить сценарии в соответствии с образами отдаленного будущего.

Инстинкты животных и человеческое целополагание. Поведение животных строится на инстинктах. Это инстинктивное поведение, в котором животные воспроизводят застывшие последовательности стереотипных действий. Если применить здесь терминологию А. Шопенгауэра, можно сказать, что животные в своем поведении реализуют не свою собственную волю, а тре-

Е.Н. Князева
Знаки животных
и символы
человека

Поведение человека является осознанным и целесообразным. В этой целесообразности человек способен сказать «нет» общим велениям жизни. И в этом проявляется высший уровень человеческого сознания — дух.

Животное в некотором смысле и есть вещи, которые его окружают. Животное и есть его Umwelt. Причем эти вещи для животного не являются твердыми и устойчивыми — они текут, границы между ними размыты, они нечеткие. Различение связано с концептуализацией, но лишь человек обретает способность к созданию понятий и пропозициональному мышлению. Дистанцирование происходит за счет создания символических форм, которые являются посредующим звеном между органически-витальными, или жизнеобеспечивающими, функциями и духовными функциями.

36

разрушает, уничтожает жизнь, то есть самую высшую из ценностей. Дух тогда — это демон, сам черт, сила, разрушающая жизнь и душу. Дух и жизнь здесь — не два последних взаимодополняющих принципа бытия, как если бы жизнь в человеке и его влечения являлись факторами, реализующими духовные идеи и ценности, а человеческий дух — идеационным фактором, полагающим для жизни направление и цель; здесь они оказываются двумя прямо-таки антагонистическими, враждебными силами. Дух являет себя здесь как некий метафизический паразит, который внедряется в жизнь и душу, чтобы подорвать их» [7, с. 89]. Дух хочет свободу от биологических инстинктов и отчасти от социальных определений. Дух хочет показать свое своеволие.

Umwelt — это тюрьма или рай, или Как возможен выход за пределы Umwelt. Животное замкнуто в непосредственных цепях восприятия и телесного действия на определенных аспектах реальности, а человек открыт, он способен отступить и созерцать, в том числе и словесно представлять и — в известной мере — конституировать объекты на некоторой творческой дистанции [11]. Животное не свободно в своих инстинктивных действиях, человек свободен.

Umwelt замкнут на самого себя и предстает как некоторая лейбницевская монада. Является ли Umwelt своего рода капсулой, в которой живет живой организм, раем для него или тюрьмой? Если она и может выглядеть раем, то только в том смысле, что животное оптимально приспособлено к этому срезу окружающего его мира и подогнано его под себя посредством длинной цепи эволюционно детерминированных действий. Оптимальность этого приспособления выражалась в истории философии и культуры и как конечная причина Аристотеля, и как предустановленная гармония Лейбница, и как определенная естественным отбором адаптация Дарвина. Тюремный характер Umwelt, если и можно говорить о таковом, заключается в том, что живой организм когнитивно и поведенчески замкнут в нем, так что разные живые существа живут в разных когнитивных мирах и воспринять мир глазами, ушами, носом и шкурой (кожей, чешуей и т.п.) другого существа практически невозможно.

Человек способен выйти из рая Umwelt с его сплошными и непрерывными циклами восприятия и действия и вследствие этого строить свой собственный Umwelt, что ему удастся сделать, потому что он, согласно Кассиреру, обладает способностью создавать символические формы. Нет непрерывности в историческом ходе эволюции природы, в Большой истории (Big History), как ее сейчас называют. Высшая ступень развития человеческого сознания — дух — использует природу для понимания самого себя и самосовершенствования. «В то время как Икскуль видит открытость и неопределенность человеческой культуры как тем-

Е.Н. Князева
Знаки животных
и символы
человека

* * *

Открытия и находки современной науки — эволюционной психологии, социобиологии, биополитики, эволюционной эпистемологии — не дают нам оснований интерпретировать концепцию Кассирера о природе человека как высокомерно возвышающегося над царством животных. Эмерджентные переходы, связанные с возникновением сознания и духа человека, не лишают его эволюционных корней и не отрывают его окончательно от живой природы. Пафос современных натуралистических подходов, показывающих свою перспективность и в социальных, и в гуманитарных науках, заключается в том, что они демонстрируют нам включенность человека в природу и запечатленность в нем хода эволюции всего живого. Самые высокие творения человеческого духа — великие научные открытия и произведения искусства — парадоксальным образом выявляют телесность духа, его связь с физическим телом и биологическим организмом человека. Осознание глубинной связи со всеми живыми организмами, чувство единения с живой природой, называемое Э.О. Уилсоном «биофилией» [6], призвано стать основой новой этики, способной обеспечить выживание человечества на нашей планете.

2. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.

3. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002.
4. *Лоренц К.* Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // *Эволюционная эпистемология: Антология.* М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.
5. *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
6. *Уилсон Э.О.* Биофилия: Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017.
7. *Шелер М.* Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.
8. *Brentari C. Jakob von Uexküll.* The Discovery of the Umwelt between Biosemiotics and Theoretical Biology. Dordrecht; Heidelberg; N.Y.; L.: Springer, 2015.
9. *Kull K.* Uexküll and the Post-modern Evolutionism // *Sign Systems Studies.* 2004. Vol. 32. N 1/2. P. 99–114.
10. *Snowdon Ch.T.* Contextually Flexible Communication in Nonhuman Primates // *Evolution of communicative flexibility.* Cambridge (MA): The MIT Press, 2008.
11. *Stjernfelt F.* Simple Animals and Complex Biology: Von Uexküll's Two-Fold Influence on Cassirer's Philosophy // *Synthesis.* 2011. Vol. 179. P. 173.
12. *Tønnessen M.* The Search Image as Link Between Sensation, Perception and Action // *BioSystems.* 2018. Vol. 164. P. 138–146.
13. *Uexküll J. von.* Theoretische Biologie. 12. Auflage. B.: Springer, 1928.
14. *Uexküll J. von.* Wie sehen wir die Natur und wie sieht sie sich selber? // *Die Naturwissenschaften.* 1922. Jg. 10, Hf. 12.
15. *Uexküll J. von, Kriszat G.* Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen. Frankfurt: S. Fischer, 1970.

Е.Н. Князева
Знаки животных
и символы
человека

Animals' Signs and Man's Symbols: Mutual Influence of J. von Uexküll's and E. Cassirer's Ideas

Helena N. Knyazeva

DSc in Philosophy, Professor of the School of Philosophy.
The National Research University Higher School of Economics.
20 Myasnikskaya Str., Moscow 101000, Russian Federation.
E-mail: helena_knyazeva@mail.ru

Abstract. Some ways of mutual influence of the theoretical biology of Jakob von Uexküll and the philosophy of symbolic forms of Ernst Cassirer are discussed in the article. Although Cassirer to a large extent emphasized the differences between the human world as the world of a symbolic being from the animal world as the world of an organism whose behavior is built due to its ability to recognize signs and signals described by Uexküll, Cassirer's attention to the important concept of Umwelt introduced by Uexküll allowed him to detail and refine his theoretical conception. Both scientists fruitfully developed and applied interdisciplinary research strategies: Cassirer, realizing his genuine interest in theoretical biology, and Uexküll, extending his concept of Umwelt to the human world.

Keywords: biosemiotics, sign, world of life, cognitive world, Ernest Cassirer, signal, symbolic form, Jakob von Uexküll, Umwelt.

For citation: Knyazeva H.N. Animals' Signs and Man's Symbols: Mutual Influence of J. von Uexküll's and E. Cassirer's Ideas // *Chelovek.* 2019. Vol. 30, N 4. P. 25–40. DOI: 10.31857/S023620070005902-9

1. Cassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. An Essay on Man]. Moscow: Gardarika Publ., 1998.
2. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 1. Yazyk* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. Language]. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2002.
3. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 3. Fenomenologiya poznaniya* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. The Phenomenology of Knowledge]. Moscow; St. Petersburg: University Book Publ., 2002.
4. Lorenz K. Kantovskaya koncepciya a priori v svete sovremennoj biologii [Kant's Conception of a priori in the Light of the Modern Biology]. *Ehvolucionnaya ehpistemologiya: Antologiya* [Evolutionary Epistemology: Antology]. Moscow: Center of Humanitarian Initiatives Publ., 2012.
5. Popper K. *Ob'ektivnoe znanie. Evolyucionnyj podhod* [Objective Knowledge. An Evolutionary Approach]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002.
6. Wilson E.O. *Biofilija: Vrozhdannaya tyaga k zhivomu kak svyaz' cheloveka s drugimi biologicheskimi vidami* [Biophilia. The Human Bond with Other Species]. Moscow: URSS Publ.: LENAND Publ., 2017.
7. Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Gnosis Publ., 1994.
8. Brentari C. *Jakob von Uexküll. The Discovery of the Umwelt between Biosemiotics and Theoretical Biology*. Dordrecht; Heidelberg; N.Y.; L.: Springer Publ., 2015.
9. Kull K. Uexküll and the Post-modern Evolutionism. *Sign Systems Studies*. 2004. Vol. 32. N 1/2. P. 99–114.
10. Snowdon Ch.T. Contextually Flexible Communication in Nonhuman Primates. *Evolution of communicative flexibility*. Cambridge (MA): The MIT Press Publ., 2008.
11. Sternfeld F. Simple Animals and Complex Biology: Von Uexküll's Two-Fold Influence on Cassirer's Philosophy. *Synthesis*. 2011. Vol. 179. P. 173.
12. Tønnessen M. The Search Image as Link Between Sensation, Perception and Action. *BioSystems*. 2018. Vol. 164. P. 138–146.
13. Uexküll J. von. *Theoretische Biologie. 12. Auflage*. B.: Springer Publ., 1928.
14. Uexküll J. von. Wie sehen wir die Natur und wie sieht sie sich selber? *Die Naturwissenschaften*. 1922. Jg. 10, Hf. 12.
15. Uexküll J. von, Kriszat G. *Streifzüge durch die Umwelten von Tieren und Menschen*. Frankfurt: S. Fischer Publ., 1970.